

МИКУШЕВИЧ И ШИ ЦЗИН

Я хочу рассказать о переводах китайской поэзии, которые сделал Владимир Борисович Микушевич. Конкретно речь пойдёт о переводах стихотворений из «Ши цзин» — «Канона стихов» или, как это переводят более часто, но менее точно, «Книги Песен».

Как известно, стихи «Ши цзин» были созданы две с половиной — три с лишним тысячи лет назад. Традиция приписывает составление сборника в его практически нынешнем виде Конфуцию, который отобрал 305 стихотворений из трёх тысяч, бытовавших в его время, т.е. две с половиной тысячи лет назад. Конфуций, конечно, не первый, кто этим занимался (скорее, последний, после него уже не решались), ещё предок Конфуция в 7-м поколении Чжэн Каофу редактировал раздел «Гимны дома Шан» «Канона стихов». А он жил в 8-м веке до н.э.

Но трудность перевода этих стихов определяется не только удалённостью во времени, но и удалённостью в культурном пространстве, если мы говорим о переводе на европейские языки.

Первый классический полный перевод Ши цзин на английский язык сделан Джеймсом Леггом в 1871 году. Этот перевод очень точный, но его

трудно назвать поэтическим. Автором одного из самых известных поэтических переводов на английский язык был Эзра Паунд, но это уже 1954 год.

Полный перевод на русский язык был сделан Алексеем Александровичем Штукиным. И это был своего рода научный, художественный и человеческий подвиг. Перевод близился к завершению в 1938 году, когда Штукин был арестован. Особым совещанием по ст. 58, подпункты 1, 6 (контрреволюция и шпионаж) его приговорили к 5 годам лишения свободы. После войны, не имея права жить в Ленинграде, он преподавал русский язык и литературу в глухой деревне под Тихвином, в Ленинградской области, продолжая переводить «Шицзин». Летом 1949 его снова арестовали и без суда и следствия сослали под Норильск. Штукин перенес уже второй инсульт, правая сторона его тела была парализована, он научился писать левой рукой и завершил свой труд. В 1957 году перевод Ши цзина вышел в издательстве «Художественная литература» с предисловием Н. Конрада. В 1963 году А. А. Штукин умер после четвертого инсульта, не дожив до 60 лет.

Переводы Штукина — это поэтические переводы, хотя не всегда удачные. Некоторые стихи переведены очень хорошо и стали классикой, некоторые не так хорошо. И, конечно, попытки сделать более адекватные и более поэтические переводы не прекращались и после Штукина, не прекращаются и сегодня. Например, десять лет назад вышел новый полный перевод Ши цзина, выполненный Абраменко. Он претендовал и на поэтичность и на научность перевода, но получил не только хвалебные отзывы. Например, Артём Игоревич Кобзев, один из ведущих наших китаеведов и заведующий Отделом Китая Института востоковедения РАН, в своей статье «Старые проблемы и новый перевод «Ши цзина»» подверг перевод Абраменко довольно жёсткой критике. Сравнивая переводы Абраменко с переводами Штукина и других переводчиков, Кобзев несколько раз упоминает Владимира Борисовича Микушевича, и каждый раз в положительном смысле — как пример правильного перевода.

В 1973 году в Библиотеке всемирной литературы, том 1 публикуются стихи из Ши цзин в переводе как раз Владимира Микушевича. 21 стихотворение из 305. Курьёзный факт: В Лунь Юй (Беседы и суждения) приводятся слова Конфуция о стихах царства Чжэн из раздела Го фын — «Нравы царств» Ши цзина: «Запрети

мелодии [царства] Чжэн» «мелодии Чжэн непристойны», «Я ненавижу, когда мелодии Чжэн портят древние мелодии». Тем не менее, Конфуций из всех царств больше всего стихотворений отобрал как раз из царства Чжэн: 21 стихотворение при среднем значении меньше 11 стихотворений на царство. Так вот и Микушевич больше всего стихов перевёл из царства Чжэн: 3 стихотворения при среднем значении чуть больше одного на царство. Тут Микушевич следует Конфуцию.

Микушевич не знал китайского языка, как, кстати, и многие другие хорошие переводчики китайской поэзии, например, Анна Ахматова и Александр Гитович. Микушевич переводил на русский с английского перевода шведского синоведа-лингвиста Карлгрена. Я это говорю для того, чтобы было понятно, что если в переводах Микушевича встречаются неточности, то во многом они происходят от неточностей в переводе Карлгрена. На это мне и Артём Кобзев указал.

А сейчас я хочу прочесть пару переводов просто как пример. Я буду читать сначала перевод Штукина, а потом перевод Микушевича. И мы посмотрим, чем они отличаются, и попытаемся понять, в чём тут дело.

Вот первое, начальное стихотворение Ши цзин.

ШТУКИН

Утки, я слышу, кричат на реке предо мной,
Селезень с уткой слетелись на остров речной...
Тихая, скромная, милая девушка ты,
Будешь супругу ты доброй, согласной женой.

То коротки здесь, то длинны кувшинок листы,
Справа и слева кувшинки, срываю я их...
Тихая, скромная, милая девушка ты,
Спит иль проснётся — к невесте стремится
жених.

К ней он стремится — ему недоступна она,
Спит иль проснётся — душа его думой полна;
Долго тоскует он, долго вздыхает о ней,
Вертится долго на ложе в томленье без сна.

То коротки здесь, то длинны кувшинок листы.
Справа и слева мы их соберём до конца...
Тихая, скромная, милая девушка ты,
С цитрой и гусями встретим тебя у крыльца.

То коротки здесь, то длинны кувшинок листы,
Мы разберём их, разложим их в дар пред тобой.
Тихая, скромная, милая девушка ты...
Бьём в барабан мы и в колокол — радостный бой.

МИКУШЕВИЧ

Утки крякают в камышах речных.
Остров маленький. Там гнездо у них.
Эта девушка хороша, скромна.
Эту девушку полюбил жених.

Лилий водяных множество кругом.
Мелких наберем, крупных наберем.
Эта девушка хороша, скромна.
Он грустил в ночи, он томился днем.

Он томился днем, он бродил с тоской
В долгих поисках девушки такой.
И, ложась в постель, он заснуть не мог.
Не смыкал он глаз, потеряв покой.

Лилий водяных множество кругом.
Слева мелкие, справа покрупней.
Эта девушка хороша, скромна.
Цитры с гусями нам поют о ней.

Лилий водяных множество кругом.
Мелких запасли, крупных запасли.
Эта девушка хороша, скромна.
Вторит колоколу барабан вдали.

Прежде всего можно обратить внимание на название стихотворения. Штукин это название просто придумывает, интерпретируя смысл стихотворения, — ВСТРЕЧА НЕВЕСТЫ, Микушевич ближе к оригиналу — он даёт перевод китайского названия — УТКИ КРЯКАЮТ, которое просто повторяет начальные иероглифы стихотворения. Буквальный перевод был бы «КРЯ СКОПА», поскольку вместо «крякают», или «кричат» как у Штукина, в оригинале звукоподражание из двух одинаковых иероглифов ГУАНЬ-ГУАНЬ, т.е. КРЯ-КРЯ.

Ну, и «утки» вместо «скопы» — так в первой строке стихотворения — почему? Дело в том, что скопа птица хищная — рыбный орёл или ястреб. В последующих веках толкователям показалось, что это как-то не гармонирует со смыслом стихотворения. Вслед за великим неоконфуцианцем Чжу Си стали вместо «пара скоп (самка и самец)» использовать, как пишет Кобзев, «общечеловеческую» трактовку: «утка и селезень» или вовсе «голубь и горлица» как «символ супружеской любви и целомудрия», «символ супружеской преданности и верности на всю жизнь». Этой трактовке следуют и Штукин и Микушевич. Ну, что ж — она освящена тысячелетней традицией.

Пойдём дальше по форме. Сначала ритм. Честно говоря, я так привык к переводу Штукина, а это действительно хороший, красивый перевод, что поначалу перевод Микушевича мне показался, ну, скажем, непривычным. Потом понял, что дело тут в ритме. Вот я прочитаю первую строфу, выделяя ударения.

ШТУКИН:

Утки, я слышу, кричат на реке предо мной,
Селезень с уткой слетелись на остров
речной...
Тихая, скромная, милая девушка ты,
Будешь супругу ты доброй, согласной женой.

Пять ударений в каждой строке.

МИКУШЕВИЧ:

Утки крякают в камышах речных.
Остров маленький. Там гнездо у них.
Эта девушка хороша, скромна.
Эту девушку полюбил жених.

Четыре ударения в каждой строке.

А что в оригинале?

Большинство стихов Ши цзин четырёхсловные, т.е. 4 иероглифа в каждой строке, это преобладающий размер. Такой он и в первом стихотворении. Так что здесь Микушевич ближе к оригиналу. И надо сказать, что Калгрэн здесь не помешал и не помог: у него вообще перевод не стихотворный — это прозаический подстрочник.

Перевод Микушевича по лаконичности близок оригиналу, который предельно лаконичен. Это видно даже из чисто количественного сравнения: в переводе Штукина 139 слов, у Микушевича — 99 слов, в оригинале — 80 слов/иероглифов. Соотношение 99 и 80 означает большую близость к оригиналу. Особенно, если учесть, что древнекитайский язык, на котором написаны стихи Ши цзин, настолько лаконичен, что уже требует перевода на современный китайский язык. На одном из китайских сайтов я нашёл такой перевод, он, может быть, не особенно поэтический, но зато точный. Так вот в нём 160 слов! Это в два раза больше, чем в оригинале, и даже больше, чем у Штукина.

Теперь рифма. Как пишет Штукин в послесловии «От переводчика Ши цзин», «Вряд ли существует в мире какая-либо другая поэзия, отводившая рифме столь существенное место, как китайская, и какая-либо другая средневековая поэтика, создавшая что-нибудь подобное знаменитому

китайскому «словарю рифм» — «Пэйвэнь юньфу», изданному в 1711 году. «Шицзин», оснащенный рифмой на тысячу лет раньше любого другого памятника мировой поэзии, являет нам не случайно вкрапленную в текст рифму, а строгую систему рифм, неразрывно связанную с архитектурой строки и всего стихотворения» [конец цитаты].

Давно замечено, что в Ши цзин характерна рифмовка ААБА, которая в оригинале применена в самом первом катрене. Эту рифмовку выдерживают в переводе и Штукин и Микушевич. Надо сказать, что не все так делают. Кобзев справедливо упрекает Абраменко за то, что он использует в переводе этого заглавного для всего Ши цзина катрена рифмовку ААББ, а такая рифмовка разбивает цельный катрен на два двустипия.

В 3-м катрене рифмуются первая и последняя строки, у Штукина и Микушевича то же самое, но ещё с ними рифмуется 2-я строка. Что касается 2, 4 и 5 катренов, то они устроены одинаково: рифмуются чётные строки, причём рифма тавтологична. То же у Штукина и Микушевича, однако у Штукина дополнительно рифмуются нечётные строки, чего нет в оригинале и нет у Микушевича, т.е. тут Микушевич ближе к оригиналу.

В целом рифмы Микушевича интереснее: у Штукина из 18 рифмующихся строк, 7 строк оканчиваются личным местоимением — 39%, а у Микушевича из 12 рифмующихся строк — только 2 строки — 17%; даже если учитывать ещё одно указательное местоимение «такой», то 25%, всё равно меньше.

Теперь повторы и параллелизмы. Как известно, это один из самых характерных приёмов стихосложения в Ши цзин. Так вот 1-я строка повторяется во 2-м, 4-м и 5-м катренах, там же повторяется 2-я строка, кроме её 3-его иероглифа — он варьируется от строфы к строфе, а 3-я строка повторяется во всех катренах, кроме среднего, 3-го. Эту третью строку выдерживают и Штукин и Микушевич, у Микушевича эта строка звучит так: «Эта девушка хороша, скромна».

Что касается 1-й и 2-й строк во 2-м, 4-м и 5-м катренах, то тут интересно. В оригинале листья (или стебли) неровные, неодинаковые и они слева и справа. Штукин переводит «короткие и длинные», Микушевич — «мелкие и крупные», Штукин перевод «справа и слева», Микушевич — «множество кругом», хотя в 4-м катрене добавляет «слева — справа». Однако Штукин почему-то в 5-м, последнем, катрене вместо «справа и слева» пишет о том, что эти листья

девушка разберёт и разложит в дар перед будущим супругом. Причину этого он сам и поясняет в примечании: Водяные растения отваривались и применялись новобрачной при жертвоприношении в храме предков мужа. Это, конечно, всё очень интересно, но к стихотворению не имеет прямого отношения: в оригинале там такой же повтор, как во 2-м и 4-м катренах. Разве что иероглиф «мао» — 3-й, варьирующийся иероглиф 2-й строки, как раз и означает «расстилать по земле (растительность)». Но Микушевич на это не ведётся, у него глагол «запасли» — это второе значение двузначного иероглифа «мао».

Можно отмечать ещё и другие тонкости в различиях перевода Штукина и Микушевича, уже не по форме, а по семантике. Но я скажу только об одной тонкости. Это последняя строка стихотворения. У Штукина «Бъём в барабан мы и в колокол — радостный бой»? У Микушевича «Вторит колоколу барабан вдали». Разница тут из-за многозначности иероглифа «лэ», который означает и «радость» и «согласие/гармонию», а, кроме того, при произношении «юэ» — ещё и «музыку». Когда барабан вторит колоколу — это музыкальное согласие, гармония. Отмечу, что Калгрэн, перевод на английский которого использовал Микушевич, даёт оба варианта перевода этого иероглифа: радость /

подбадривать и окликать / приветствовать, т.е. «вторить».

Время моё закончилось, и напоследок я прочитаю ещё одно стихотворение, как раз из царства Чжэн.

ШТУКИН

Чжуна просила я слово мне дать
Не приходить к нам в деревню опять,
Веток на ивах у нас не ломать.
Как я посмею его полюбить?
Страшно прогневать отца мне и мать!
Чжуна могла б я любить и теперь,
Только суровых родительских слов
Девушке нужно бояться, поверь!

Чжуна просила я слово мне дать
К нам не взбираться опять на забор,
Тутов у нас не ломать на позор.
Как я посмею его полюбить?
Страшен мне братьев суровый укор.
Чжуна могла б я любить и теперь,
Только вот братьев суровых речей
Девушке надо бояться, поверь!

Чжуна просила я слово мне дать
Больше не лазить в наш сад на беду
И не ломать нам сандалы в саду.
Как я посмею его полюбить?

Страшно мне: речи в народе пойдут.
Чжуна могла б я любить и теперь,
Только недоброй в народе молвы
Девушке надо бояться, поверь!

МИКУШЕВИЧ

Чжун! В деревню нашу не ходи ты!
Наши не ломай ты, Чжун, ракиты!
Чжун, мой милый! Что мне все ракиты!
На меня родители сердиты.
В Чжуна не могла я не влюбиться.
Но нельзя родителей не слушать.
Их боится каждая девица.

Чжун! Ломать ограду не годится.
Наши пожалей ты шелковицы!
Чжун, мой милый! Что мне шелковицы!
Братья будут на меня сердиться.
В Чжуна не могла я не влюбиться.
Но нельзя не слушать старших братьев.
Их боится каждая девица.

Чжун! Чтобы в беду я не попала,
Не ломай в саду моем сандала!
Чжун, мой милый! Что мне до сандала!
Сплетников кругом живет немало.
В Чжуна не могла я не влюбиться.
Но нельзя не думать мне о сплетнях.
Их боится каждая девица.

Здесь мы видим, что тон перевода Штукина довольно меланхоличен, девушка почти смирилась, а у Микушевича весьма экспрессивен, ни фига девица не смирилась — Конфуций назвал бы его непристойным, но как раз за это он одновременно и ненавидел и любил песни царства Чжэн. Обратите внимание на 3-ю строку каждой строфы. У Штукина она не выделяется среди остальных, а у Микушевича выделяется — в ней два восклицательных знака: Чжун, мой милый! Что мне все ракиты! — шелковицы — до сандала. И действительно, в оригинале 3-я строка строфы выделяется — в ней не 4, а 5 иероглифов.

На этом я заканчиваю.

Готовясь к сегодняшнему выступлению, я позвонил Артёму Кобзеву, надеясь получить от него какие-то материалы и оценку переводов Микушевича. Дополнительных материалов я не получил, а оценка переводов самая высокая.

И ещё я получил от Кобзева совет: спросить у Татьяны Владимировны, не остались ли неопубликованными какие-то переводы Микушевича китайской поэзии, не обязательно из «Ши цзин».

Люди уходят, а дело их жизни остаётся с нами.